

РОДИНКА

Евгения Хамуляк

6+

Евгения Хамуляк

Родинка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Хамуляк Е. И.

Родинка / Е. И. Хамуляк — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Когда вырастаешь - вопросы счастья встают особо остро. Прямо раз в неделю тебя точно кто-то, да или ты сам, спросит: а ты счастливый? А от чего ты счастливый? А когда именно счастливый? И тут, конечно, градом сыпятся картинки счастья, связанные с машинками, велосипедами, друзьями... Часто подобные воспоминания оставляют двойной след в душе и памяти: машинки ломаются, друзья подводят или ты их подводишь... Но есть истории, которые никогда не подводят. Всегда-всегда несут счастье, даже если оно случилось почти сорок лет тому назад... Бабушка Оля, дедушка Саша, Женька, кусачий петух, колдун-собака Байкал, вишня дедушки Бори, Зизи и другие - все это Родинка.

© Хамуляк Е. И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Евгения Хамуляк

Родинка

Когда вырастаешь – вопросы счастья встают особо остро. Прямо раз в неделю тебя точно кто-то да или ты сам спросит: а ты счастливый? А от чего ты счастливый? А когда именно счастливый? И тут, конечно, градом сыпятся картинки этого самого счастья, связанные с машинками, с велосипедами, с друзьями... Часто подобные воспоминания оставляют двойной след в душе и в памяти: машинки ломаются, друзья подводят или ты их подводишь... Но есть истории, которые никогда не подводят. Всегда-всегда несут счастье, даже если оно случилось почти сорок лет тому назад...

Больше всего на свете я любил пятницы. Но не потому, что это конец трудовой недели... У детей летом в деревне, брошенных на попечение бабушек и дедушек, нет конца недели. Выходные начинаются тогда, когда тебя, как попаданца забрасывают на планету, где живут лишь бабушки и дедушки, и заканчиваются днем, когда с первыми дождиками и осенними желтыми листочками посвежевшие отдохнувшие родители приезжают тебя демобилизовать с планеты счастья в мир серых будней.

А пятница была особенной, потому что приносили почту. Дедушка Саша становился крутым специалистом в мировой политике и экономике, искусным рассказчиком историй про войну, и не одну, которые выпали на его век, а также магом и волшебником, чьи фантазии уходили так далеко, что угнаться за ними мог только увлеченный второклассник или не потерявший легкость души старик.

– Вот шельмы что творят! Все с ног на голову перевернут, обзовут малинкой, а ты ешь и причмокивай их навоз потом! – кряхтел дед Саша громко, что из окна обязательно раз в пятнадцать минут выглядывала бабушка Ольга, чтобы сделать замечание.

– А что ты меня критикуешь?! – вскидывался дед ровно в пятнадцать минут. – Мы их, фашистов, давили-давили! Я их один только целую тысячу повалил. Да какую там тысячу, как звезд на небе! – махнул он рукой на голубое-преголубое небо. – И Борис еще тысячу! А они, глянь, гниды, повыживали, другими именами обозвались и теперь нас жизни учат. Васька! – бросил он мне сквозь поседевшую еще чуть рыжую бровь. – А ну, клянись, что навсегда коммунистом останешься! Иначе я тебя кормить не буду!

– Дед, да хватит тебе, – вынырнула бабушка из окна в положенные пятнадцать минут. – Что ты к ребенку пристал со своим коммунизмом, может, он и не знает, что ты там лопочешь.

Дед недоверчиво, будто не веря, посмотрел на меня ухахатывающегося от этой перепалки, и сказал:

– Вась, вот ты, когда ешь, ты свой палец или глаз одинаково кормишь? Или вот сердце и коленку? Оно ведь понятно, что сердце важнее, но коленку не покормишь, далеко не уедешь? Разве не ясно? Это и есть коммунизм, сынок! Всем поровну, – серьезно, будто выступая перед партией, вещал дед.

– Кормлю... – только и смог вымолвить я, и слезы брызнули из глаз, потому что я скумекал, что дед шутит. Рыжевато-седая бровь хитро скривилась, он всегда так делал, когда шутил.

– И я кормлю всех поровну. А если ты разбогател, – и он потряс кулаком перед моей разинутой в улыбку конопатой рожницей, – так поделись с нищими. Мало тебе одному миллионов, что потеть-перепотеть не истратишь за жизнь все равно, – он обращался ко мне, но видел перед собой те «морды», так он их называл, с черно-белых полос своей пятничной газеты, – сдохнешь как волк, хоть чуть-чуть себе карму-то очисти перед судом-то божьим и человеческим... Сам потом о пощаде просить будешь...

– Почему как волк-то, дедушка? – заинтересовался я, сглатывая смешные слюни и вытирая соленые глаза.

Дедово сознание вместе с взглядом вернулись из мира капиталистов-буржуев и посмотрели на меня.

– Знаешь, мы когда шли на Берлин, много встречали богачей-то... Только и их война не пощадила. В мирное-то время можно было б купить слуг себе. А когда бомбят, то слугам никаких денег не надо. Вот и оставались старые богачи в замках своих, никому ненужные, без братьев и сестер, без жен и детей. Немощные и убогие душами и телом. Большие деньги жадность рождает, а она сестра вредная, большим веником родню из дома выметает, – потом увидел у меня неподдельный интерес к этой теме и продолжил:

– Так вот значит, заняли мы один такой замок. Знатный, красивый. Роскошный, – опустил дед глаза в пол, будто там оказался у себя в воспоминаниях.

– По закону военного времени надо было б в плен взять всех, кто остался, а некоторых особенно рьяных врагов и расстрелять для пушей верности. Да на счастье для души солдатской во всем замке один старый дед и оказался, да и тот к постели прикованный. Дух испустить ему осталось лишь в этой жизни, – он со значением причмокнул. – Я немецкий, как родной тогда знал. Враги – они ж как родня становятся: все думы про них, все планы об них, гадаешь, мозгуешь, изучаешь... Вот и выучил. Ну и вечерами подходил к старику, воды подать, так просто посидеть послушать что мелит. А ему это лучше любого подарка – внимание-то. Пусть и врага. Он мне и рассказал, что после жизни, какую прожил, суждено ему лишь волком родиться. Ибо прожил ее как пес поганый, все про себя думал, все себе загребал. Всех живых от себя прогнал, а вместо них картин да скульптур наставил, думал это и есть жизнь богатого человека. Сильно ошибался. Да только поздно. Вот и осталось волком выть.

– А он пощады не просил? – заинтересовался я взволнованно, не зная как отнестись к этому персонажу, с состраданием или без прощения. А дед сигналов не подавал на счет совести.

– Дак он черный колдун был, такие пощады не просят... – сказал дед под мои обескураженные вздохи. – Говорит мне, – усмехнулся, – де, давай тебе передам свои силы коварные. А ему: куда тебе старик, я сам колдун из колдунов. Тогда, говорит, возьми меня с собой, век тебе благодарный буду. Жизнь спасу, свою не пожалею.

И от сил, говорит, не отказывайся, их только глупые называют черными или белыми. Силы – это силы! А я, мол, твоим ангелом-хранителем сделаюсь, с войны живым вернешься. Пули тебя обходить станут.

– А что надо было сделать-то? – не стерпел я, пушисто моргая наивными глазами.

Дед помолчал, будто раздумывая, стоит ли мне такое вообще говорить, почесал нос, из которого бурелом седой торчал, но сказал:

– Воды стакан подать перед смертью старику да руку пожать... А как дух испустит, этот дух в пузырь посадить и в лесу отпустить, что б черный колдун себе зверя нашел...

– И ты сделал? – тихо спросил я, только представив себе эти ужасы с черным лесом и в горле пересохло.

– Саня, ты зачем ребенка пугаешь? Ночью спать не будет. Ну, я сейчас выйду, получишь у меня! Не дед, а прям Кощей какой-то! А вот ребенок дара речи решится, что Ваня с Леной скажут? Оставили, называется, школьника бабушке-дедушке, а возвратили инвалида.

Дед позвал за собой, чтоб продолжить разговор в другом месте. Подальше от вражеских ушей.

– Пойдем, к деду Бори вишню кушать. А то у этого старого жадины ее как чертополоха. Пусть делится... – и мы улизнули в самый момент, когда Бабушка Оля с пунцовым лицом и с полотенцем в руке уже вылетела на пустую улицу.

Пока шли присели на лавочке, чтоб договорить и заметили, как Байкал увязался за нами. Никогда не пропускал походов.

– Так получилось колдовство-то? – спросил я с придыханием.

Дедушка опять недоверчиво взглянул на меня, прикусил губу, но потом-таки разомкнул уста.

– Да, не боюсь я, деда, колдовства черного! – пытался убедить я его молчаливого загадочного. – И когда ты помирать станешь – принесу стакан воды. Ты только подольше поживи, – попросил я слезливо и прижался к его плечу в клетчатую рубашку чисто стиранную и выглаженную бабушкой.

Молчаливый он обнял меня молчаливого с глазами на мокром месте.

– Колдун колдуна видит издалека... А вообще, запомни, Васька, есть такие люди – ну прям сущие ангелы. Или точнее они так думают. И богу молятся, и в детские дома ездят, и за свет-газ урочно платят. Прям светятся оскалы у них ангельские. А вот упадешь ты оземь, ну сделаешь ошибку какую – и руки не подадут, чтоб не мараться. А вот плохой человек, много в своей жизни падая, знает чем земля и пинки людские пахнут. Тут отличать надо уметь, – он поднял указательный палец вверх. – Тут надо уметь! Но я научу... ты не переживай.

– Ну а колдун? Колдун-то че?

– А что ему сделается, вона бегают за мною... – и он указал на Байкала, смесь немецкой овчарки и какой-то странной породы: помеси волка или рассомахи. «Черте что» – называла его бабушка Ольга и давала мякиши, моченные в козьем молоке.

– Ой, – ойкнул я, зная собаку с рождения и никогда не предполагая что...

– Будет хорошо служить, в следующей жизни человеком станет. Может, и в наш род возьмем. Кто-то же должен силу переносить. А ее, внучок, очень тяжело переносить бывает. Если на добрые дела не пускать, она тебя изнутри сожрет. Как немца того...

– Ой, – выдохнул тяжело я. – А я ж художником собирался стать... как мамка.

– Это дело хорошее, – похвалил дед. – Будешь рисовать родные просторы да загадки души русской. Будет тебе такое раздолье! Тут ведь понимать надо! Я ведь тоже рисовал... да в войну все пожгло, – показал он огромные рабочие, совсем не художественные, руки.

– А тебе сила-то хоть раз пригодилась? – спросил я вкрадчиво.

– А то! В японскую в засаде... В Берлине прям на подходе... и в Польше...

– Ой, а расскажи про Польшу, это про детей голодных, да? – выпрашивал я, совсем забыв про вишню.

– Ехали зимой... – и будто холодом обдало от его слов. – Деревни пустые. В каждом доме трупы. Или от бесчинств. Или от голода. Но делать нечего, где-то надо остановиться на ночлег. А я один был и Байкал, пес. Везли консервы нашим бойцам. Дело военное. Не довезешь хоть баночку – расстрел.

Вижу, – он приложил ладонь к бровям, всматриваясь вдаль. – Из одной хаты дымок идет. Подъехал, – вытер двумя пальцами у рта. – Осторожно вошел... Деревня-то после боя. Солдат не должно было остаться, ни наших, ни ихних... А там семья на скамьях от голода помирает. Все уже опухли от голода. Страшный запах смерти повис, хоть топор вешай. Мать взнемогла первой, вот и некому кормить шестерых стало. А зима лютая, как назло.

Говорит мне по-ихнему что-то. Молит о пощаде. Только непонятно о какой: быстрой смерти или долгой. Вталкивать ничего не стал, тут надо сразу решать. А на деле, шесть часов у меня было. Достал я свой паек и сварил им похлебку из топора, что называется. После голода, по первости – это то, что надо. Сразу-то есть нельзя, запомни. По чуток отходить от смерти надобно, по шажку, по наперсточку, а то спохватится, быстро загребет костлявая.

Я сглотнул, плохо понимая его слова, но боясь переспрашивать.

– Попоил их бедняг, а наутро уехал. Только пару консерв в бак с топливом засунул для них, раскроют – расстрел, а не раскроют – им привезу на обратном пути. Как во сне, не знал что будет. Вот токашма на Байкала надеялся, – улыбнулся собаке и погладил.

– Приезжаем. Считают... а там все ровно. Я ведь уже готовился к расправе праведной. Война ведь. От пропитания солдат исход нашей земли зависел. А тут семья... за одной семьей, понимаешь, брат, миллионы жизней стоят. Тут выбирать надо.

– Я понимаю, – согласился я, не совсем понимая, но тон у деда был слишком серьезный, чтоб не согласиться.

– А тут все ровно, – он задумался, будто до сих пор не верил тому чуду. – Опять не спамши, помчался в обратный путь. Зашел в хату, а там воздух смерти пропал. Ожили ребята. Ну, я им дрова нарубил, мать мазями своими на ноги поставил. Три дня у меня было. Все им посвятил. С Байкалом поохотничали, добычу всю оставили. Ну и на работу, на фронт, умчал. А они молодцы, ведь наши тоже!!! Славяне! – крикнул он мне, как бы доказывая родство и правоту своих действий мне. – Выжили сами! Все шестеро детей выросли! И до сих пор меня не забывают, пишут... И я их не забывал и не забываю, пишу. Как-то вот так, Васька, бывает. Кто его разберет, кто кому брат-сват. Вот помрем, потом уж узнаем, да? – развеселился он, как вдруг мы услышали тяжелый бег бабушки Оли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.